

**Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм**

**А. С. Ложкина**

В конце 20-х годов прошлого века в СССР был взят курс на форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию. Данный процесс сопровождался формированием новой политической и управленческой элиты, которая должна была эффективно осуществлять власть, управлять стратегическими ресурсами для достижения поставленных целей.

Период становления социальной группы всегда сопровождается определением ее функций, полномочий и места не только внутри страны, но и за ее пределами. Через процесс сравнения себя с элитами других стран происходит познание своей специфики и особенностей, самоидентификация, так как, изучая чужой народ, мы сопоставляем себя с ним и одновременно противопоставляем его себе.

Сложившиеся представления о другой стране, о ее месте в мире, географии, истории влияют на развитие отношений между государствами. Образ другого государства является важным фактором принятия политических решений, особенно при формировании внешней политики.

В этом плане Япония являлась одним из идеальных объектов восприятия, так как с 1931 г. она проводила агрессивную и динамичную политику на международной арене. Это соответствовало, по словам французского историка Н. Верта, советской внешнеполитической аксиоме, согласно которой всякое усиление международной напряженности было на пользу СССР<sup>1</sup>. Кроме того, Страна Восходящего Солнца являлась морским соседом, государством, с которым за два десятилетия XX в. Россия имела несколько военных столкновений.

Целью данной статьи является рассмотрение через восприятие образа Японии особенностей сознания, мышления советского политического руководства 30-х годов (членов Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК), изучение влияния личных представлений лидеров на формирование внешнеполитического курса СССР.

<sup>1</sup> Верт Н. История Советского государства. М., 2006, с. 291.

Критерием причастности к элитному слою служила принадлежность к руководящему составу ВКП(б), в который входили высшие руководители центральных, отраслевых и региональных органов власти<sup>2</sup>. Элита являлась субъектом принятия важнейших стратегических решений, обладала необходимым для этого ресурсным потенциалом.

По сравнению с ментальностью других социальных групп, элитное сознание отличается большей мерой идентификации<sup>3</sup>. Советское руководство выделялось своей корпоративностью, изолированностью от общества, осознанием своих групповых интересов, развитой сетью неформальных связей, а также наличием своего языка общения, отсутствием четкой границы, разделяющей служебную деятельность и частную жизнь.

Главной движущей силой построения нового общества стала политика советского руководства, прежде всего И. В. Сталина. Он являлся лидером, «вождем», главным субъектом политического процесса, задававшим направление деятельности государственным и общественно-политическим институтам, определял особенности политического курса. Сталин воплощал в себе образ человека железной воли и дисциплины, способного претворять в жизнь все свои решения. Отношения с соратниками, с представителями советской элиты и народом он строил по схеме «доминирование – подчинение».

В условиях «социалистического наступления» Сталин нуждался в руководителях нового типа, которые бы смогли в условиях дефицита ресурсов стать эффективным инструментом модернизации. Непосредственным шагом на пути к этому стало устранение так называемых «правых» (членов Политбюро А. И. Рыкова, Н. И. Бухарина, М. П. Томского).

О. В. Гаман-Голутвина дает следующую характеристику политической элите, которая сложилась к началу 30-х годов: «...Иерархически организованная, с жестковертикальным подчинением верховной власти, строго централизованная и даже милитаризованная элита, формирование которой происходит по принципу “привилегии за службу” и способом ротации которой является чистка, предстает в качестве неотъемлемого элемента модели развития мобилизационного типа»<sup>4</sup>.

Согласно подсчетам А. Вишневого, с 1931 по 1939 г. более 53% представителей руководства были в возрасте от 40 до 49 лет; по сравнению с 20-ми годами оно значительно постарело. Большинство партийной верхушки были выходцами из рабочих (33%), крестьян (20%) и

<sup>2</sup> Mawdsley E., White S. The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and its Members, 1917–1991. Oxford University Press, 2000. p. 7.

<sup>3</sup> Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005, с. 74.

<sup>4</sup> Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты в России: веки исторической эволюции. М., 2006, с. 238.

служащих (26%)<sup>5</sup>. Преобладание пролетарского происхождения накладывало отпечаток на сознание руководства, на его мышление и представления о мире. Отличительными чертами советской политической элиты были раболепие, прислужничество, доносительство, страх перед Сталиным, безынициативность, иждивенчество, высокая степень идеологизации.

Согласно проанализированным О. Хлевнюком архивным документам, в начале 30-х годов некоторые члены руководства имели определенный вес и право голоса при решении многих существенных вопросов<sup>6</sup>. Однако, в целом, члены Политбюро были абсолютно несамостоятельными политическими фигурами, не имели собственного мнения, особенно при решении внешнеполитических вопросов<sup>7</sup>. Все их взгляды и представления формировались под влиянием И. В. Сталина. Ярким примером этого является создание образа Японии в сознании советского руководства.

30-е годы – это сложный период взаимоотношений между СССР и Японией. Вторжение последней в Маньчжурию осенью 1931 г. стало весомым актом агрессии, изменившим военно-политическое положение в Тихоокеанском регионе. С этого момента внимание советского руководства было обращено на дальневосточные границы, где теперь малочисленным частям РККА противостояла одна из лучших сухопутных армий, а также третий по величине флот в мире.

В целом новая власть (как в свое время и царское правительство) не имела четких представлений о дальневосточном соседе. Взгляды партийной верхушки основывались на стереотипах, сложившихся в период русско-японской войны, интервенции Японии на Дальнем Востоке. Среди политической элиты преобладало недоверчивое, настороженное отношение к Японии. Таким образом, в связи с угрозой нападения на восточные рубежи советское руководство нуждалось в более достоверной информации об этой стране для выработки внешнеполитического курса.

В силу специфики сложившегося положения в СССР, советские лидеры были ограничены в возможностях посещения зарубежных стран. Следовательно, возникает вопрос: откуда они получали информацию о внешнем мире? При изучении данного вопроса исследователи сталкиваются с двумя важными проблемами. Первая – доминирующая роль Сталина в формировании картины мира политической элиты; вторая – роль информационных каналов в создании представлений о внешнем

<sup>5</sup> Вишневский А. Высшая элита РКП (б) – ВКП (б) – КПСС (1917–1989): немного статистики. – Население и общество. 1997, №4, с. 40–41.

<sup>6</sup> Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996, с. 95.

<sup>7</sup> Павлова И. В. Механизмы власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001, с. 182–183.

мире, в принятии политических решений. Эти две проблемы непосредственно взаимосвязаны между собой, так как, с одной стороны, вождь лично определял для каждого члена руководства объем сведений, который ему необходимо было иметь для управления и решения поставленных задач. Таким образом, Сталин являлся доминирующим источником информации для политической элиты на всех уровнях власти. С другой стороны, сообщения о внешнем мире Сталин получал по определенным каналам, которые играли значительную роль в формировании представлений вождя. Условно это можно представить в виде следующей схемы: информационные каналы → Сталин → члены Политбюро → политическая элита.

Таким образом, изучение этих двух проблем позволяет познать механизм формирования сознания нового руководства страны, влияние того или иного информационного канала на принятие политических решений.

С началом японской агрессии в Маньчжурии «отец народов» предпочитал вести осторожную политику в отношении Японии, не допуская резких высказываний, так как он понимал, что Советский Союз еще не обладает достаточным военным потенциалом для отражения нападения японской армии. В письме от 23 сентября 1931 г. к Л. М. Кагановичу Сталин заметил: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас не целесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились»<sup>8</sup>. Здесь же он указал, как именно необходимо представить данную информацию в печати, и что должна знать советская общественность о событиях в мире и внешнеполитическом курсе СССР. «В печати надо вести себя так, чтобы не было никаких сомнений в том, что мы всей душой против интервенции. Пусть “Правда” ругает всю японских оккупантов, Лигу Наций как орудие войны, а не мира... “Известия” должны вести ту же линию, но в умеренном и архиосторожном тоне. Умеренный тон для “Известий” абсолютно необходим»<sup>9</sup>. Данное высказывание характеризует Сталина как стратега, чуткого политика. Он понимал, что эти события можно использовать в пропагандистских целях внутри страны как пример агрессивной политики капиталистических государств.

Из приведенного сообщения также видно, что в представлении Сталина врагом для СССР на тот момент являлась не Япония, а европейские страны в лице Лиги Наций, что главная опасность исходила не с Востока, а с Запада. Для «отца народов» было характерно восприятие окружающего мира через дихотомию «друзья – враги», стремление выделять только черное или белое.

<sup>8</sup> Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. Сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001, с. 116.

<sup>9</sup> Там же.

Японское политическое и военное руководство считало политику советской власти в отношении Страны восходящего солнца хитрой и двойной. Об этом, в частности, говорил майор Фудзицука (начальник русского отдела генштаба Японии) в своей лекции «О советских вооружениях на границе северной Маньчжурии», которая была прочитана им в Токио осенью 1932 г. Он отметил, что СССР не был доволен тем, как развиваются события в Китае, однако боялся говорить об этом открыто. В то же время, Страна Советов использовала Маньчжурские события для распространения своего влияния на Восток через пропаганду социалистических идей: «В каком духе писали советские газеты и журналы, когда разразились маньчжурские события? Конечно, они писали о том, что это проявление японского империализма, что милитаристы творят насилие в Маньчжурии и что правительство Японии не может обуздать военных. Они выражали сочувствие от всего сердца народным массам Китая. Критика велась обходным образом так, чтобы непосредственно не нападать на Японию. Применялся такой метод: что то, что трудно было говорить в СССР, заявлялось устами Коминтерна в Германии. Члены же правительства СССР и главный штаб Коминтерна избегали заявлять протесты Японии»<sup>10</sup>.

Таким образом, согласно выступлению Фудзицука, японский генеральный штаб понимал свое превосходство над Страной Советов и одновременно отмечал нестабильное положение СССР на международной арене.

В письме к К. Е. Ворошилову в ноябре 1931 г. Сталин утверждал, что это только первый шаг на пути создания «Великой азиатской империи». Он характеризовал Страну Восходящего Солнца как сильного военного и геополитического соперника, имеющего серьезный план действий по завоеванию Дальнего Востока<sup>11</sup>.

Большинство своих выводов Сталин делал на основании сведений, сводок, донесений ОГПУ–НКВД. Система информирования через сводки начала складываться еще в период Гражданской войны, в годы НЭПа она получила дальнейшее развитие. Организация информационной работы была нацелена на получение полных и достоверных сведений по широкому и четко определенному кругу вопросов. Однако документы ОГПУ–НКВД свидетельствуют о том, что руководство этого ведомства чутко улавливало смену настроений в ЦК партии и в ряде случаев дозировало получаемую информацию<sup>12</sup>.

Согласно донесениям ИНО ОГПУ за 1931–1933 гг., японцы энергично готовились к военной агрессии против СССР. Они изучали своего противника, отмечали его слабые стороны, активно занимались поиском

союзников, даже среди мусульманских стран. Японский генеральный штаб планировал нападение в наиболее уязвимый для Советского Союза момент, а именно в период сбора урожая, когда в стране будет трудно провести мобилизацию. Руководство страны вело активную пропаганду против Советского Союза в обществе, тем самым оправдывая завоевательную политику, милитаризацию Японии.

Японское правительство рассчитывало использовать страх Запада перед «коммунистической опасностью» в целях завоевания новых территорий. «Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении Сов. Дальним Востоком и Восточной Сибирью», – заявил посол Японии в СССР Хирота в беседе с генерал-майором Харада 1 июля 1931 г.<sup>13</sup> В конце 1932 г. император Японии Хирохито одобрил разработанный генеральным штабом план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после захвата Маньчжурии стратегическое положение: в случае войны японской оккупации подлежала обширная часть советской территории к востоку от оз. Байкал.

Активизация военных действий Японии в начале 30-х годов была связана с мировым экономическим кризисом, который охватил не только страны Запада, но и Востока. Японское правительство четко рассчитало время нападения на Китай: западные страны экономически были ослаблены, а завоеванием тихоокеанских территорий Страна восходящего солнца хотела решить проблему нехватки ресурсов, в первую очередь, топливных.

Однако, понимая важность сохранения дипломатических отношений с европейскими странами, японцы часто камуфлировали свои истинные цели. Это хорошо понимало и советское руководство: «Они предложили нам подписать давно уже готовую почтовую конвенцию (“чтобы все видели, что отношения между нами неплохие”, как говорит Хирота). Мы согласились. Они предложили начать переговоры о рыбной ловле (с той же целью). Мы и на это согласились. Но было бы наивно верить в искренность “дружбы” японских империалистов. Все это – маска, нужная им для того, чтобы усыпить нас и одновременно козырнуть перед “державами” “дружбой” с нами»<sup>14</sup>.

Один из близких соратников Сталина Л. М. Каганович, согласно переписке, также представлял Японию опасным противником, который имел серьезные стратегические планы. Японское правительство он квалифицировал как очень расчетливое, имевшее четкий курс, от которого оно не отступало<sup>15</sup>.

<sup>10</sup> РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 447. Л. 60.

<sup>11</sup> Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. Сост. А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, О. В. Хлевнюк. М., 1999, с. 161–163.

<sup>12</sup> Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. Под общей редакции А. К. Соколова. М., 2004, с. 146.

<sup>13</sup> РГАСПИ. Ф. 558, оп. 3, д. 185, л. 2.

<sup>14</sup> Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999, с. 162.

<sup>15</sup> Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. Составители О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1995, с. 136.

В целом, в начале 30-х годов Япония предстала перед руководством страны в образе мощного военного соперника. Однако оценивали они японскую политику как хитрую, но недалёковидную, сравнивая ее с игрой.

Ухудшение геополитической ситуации на Дальнем Востоке поставило советское правительство перед необходимостью ускоренной подготовки дальневосточных районов к возможной агрессии со стороны Японии. Уже в начале 1932 г. принимается решение о развитии военно-промышленного комплекса Дальнего Востока. Из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 января 1932 г.: «Послать тт. Гамарнику и Бергавинову следующую телеграмму: “Предлагается вам принять все меры к максимальному развитию угольного производства в районе Дальнего Востока. Сообщите, сколько денег вам нужно на это дело, — отпустим все необходимые деньги”»<sup>16</sup>.

Началось увеличение численного состава и технической оснащенности дальневосточной группировки войск. Укреплялись также военно-морские границы: в апреле 1932 г. начинается создание военно-морских сил Дальнего Востока. В мае 1933 г. принимается ряд правительственных постановлений о повышении боеспособности Красной Армии. Для развития оборонного строительства в феврале 1933 г. был сформирован Особый строительный корпус. Советское руководство, анализируя обстановку в Китае, рассчитывало, что к моменту решения Японией маньчжурских дел СССР будет готов дать достойный военный отпор в случае агрессии.

Таким образом, в целях защиты рубежей началось активное развитие Дальневосточного региона, а восточное направление во внешней политике стало приоритетным. Анализ международной ситуации начала 30-х годов показал, что уровень военной угрозы со стороны Японии был выше, чем со стороны Запада, который не мог оправиться от последствий «Великой депрессии».

Изучение переписки Сталина с Кагановичем и Молотовым позволяет сделать вывод, что лидеры государства стремились избежать какой-либо конфронтации между СССР и Японией. Они обосновывали это сложной внутренней ситуацией, слабой позицией Страны Советов на международной арене, отсутствием политических союзников и экономической помощи извне, а главное, тем, что СССР стоял перед угрозой нападения сильного, но неизвестного соперника. Кроме того, на решение взять курс на политику «умиротворения» повлияло то обстоятельство, что Советский Союз не обладал достаточным опытом ведения крупномасштабных военных действий. Следовательно, в начале 30-х годов советское правительство считало необходимым заключить пакт о

<sup>16</sup> ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917-1941. Сост. Г. М. Адиев, Ж. Г. Адиева, Х. Вада и др. М., 2001, с. 75.

ненападении между СССР и Японией, так как в период форсированной модернизации главной целью внешней политики было обеспечение безопасности для проведения реконструкции промышленного комплекса и создания вооруженных сил.

В тот период среди высшего советского руководства не было единства взглядов на отношения с Японией. Как отмечает историк В. Песков, «если заместители наркома иностранных дел Л. М. Карахан, позднее Т. Я. Сокольников, отвечавшие за восточную политику, выступали за жесткую линию в советско-японских отношениях, то нарком М. М. Литвинов, озабоченный положением в Европе, особенно после 1933 г., склонен был к компромиссам»<sup>17</sup>.

Карахан, затем Сокольников, делали свои выводы, исходя из событий, происходивших на Дальнем Востоке, учитывая сложную внутреннюю обстановку в Японии, а также используя те представления и знания о Стране Восходящего Солнца, которые они получили при непосредственном контакте. Кроме того, они в меньшей степени испытывали на себе влияние официальных представлений о Японии, которые формировались и распространялись среди членов советского правительства. В то же время Литвинов и руководство страны считали, что возможности для создания коалиции в этом регионе отсутствовали, а проведение жесткой политики практически было невозможным по объективным причинам. Поэтому основной задачей советского правительства стало наращивание на Дальнем Востоке вооруженных сил, создание здесь стратегических запасов на случай войны с Японией и осуществление курса на подписание пакта о ненападении.

Переговоры по заключению пакта между странами проходили в очень сложной обстановке. Советское правительство в декабре 1931 г. предлагало Японии заключить пакт, однако это предложение расходилось с замыслами японских правящих кругов, и было отклонено.

Большую напряженность в отношениях и препятствие на пути к подписанию соглашения создавали события, инциденты на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), а также вопрос о ее продаже. Согласно архивным документам Сталин уделял большое внимание решению данного вопроса, надеясь как можно быстрее устранить источник возможного конфликта с Японией. Таким образом, советская сторона шла на большие уступки Стране Восходящего Солнца в вопросе о цене на КВЖД, а также старалась максимально не реагировать на японские провокации в отношении работников железной дороги.

Однако руководство СССР не могло позволить полностью манипулировать собой, поэтому основным рычагом давления на японцев был

<sup>17</sup> Песков В. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра ист. наук. Хабаровск, 2000, с. 33.

выбран курс на сближение с Нанкином и США. Сталин писал Кагановичу и Молотову 29 июня 1932 г. из Сочи: «Если японцы действительно пойдут на пакт, то это, возможно, потому, что они хотят этим расстроить наши переговоры с китайцами о пакте, в который японцы, видимо, серьезно верят. Поэтому нам не следует обрывать переговоры с китайцами, наоборот, надо их продолжить и затянуть, чтобы поугубить японцев перспективой нашего сближения с китайцами и тем самым заставить их поторопиться с подписанием пакта с СССР»<sup>18</sup>. Таким образом, Сталин понимал, что ситуация, сложившаяся на Дальнем Востоке, благоприятна для повышения статуса СССР на международной арене.

Следует обратить внимание, что в связи с ростом угрозы с Востока советское руководство обратилось к изучению истории Японии, пытаясь тем самым приблизиться к пониманию особенностей японского общества, его менталитета. Этот интерес можно объяснить тем, что политическая элита, учитывая ошибки царского правительства, а именно недооценку им сил дальневосточного соседа в русско-японской войне 1904–1905 гг., стремилась к расширению своих знаний и представлений о Стране Восходящего Солнца.

Например, в личном фонде Сталина хранятся две книги о Японии с пометками и комментариями, которые отражают процесс формирования представлений о Стране Восходящего Солнца у вождя, показывают переосмысление им сведений о загадочном восточном государстве. Это – «Военно-фашистское движение в Японии» и работа профессора Т. О. Конроя «Японская угроза». Первая книга была написана для командно-политического состава ОКДВА, партактива Дальневосточного края, а также для научных работников. Анализ пометок свидетельствует об интересе Сталина к проблемам экономики, положению рабочего класса, крестьян, роли армии в Японии. Можно предположить, что особое внимание к данным социальным группам было связано с прагматическими целями вождя: узнать о возможностях и условиях распространения социалистических идей среди японцев, о возможности существования оппозиции и борьбы против правящего режима. В дальнейшем он рекомендовал данную книгу для массового читателя, так как в этой работе, по его мнению, было показано истинное лицо фашизма.

В работе Конроя дается характеристика психологии, быта, традиций японского общества. Согласно пометкам Сталина, в представлении «отца народов» японцы – это сволочи, мерзавцы. Употребление грубых слов, резких выражений было характерно как для Сталина, так и для его соратников, являясь результатом революционного прошлого.

Особые эмоции вызвал у Сталина следующий отрывок: «Во время налета полиции на этот храм в темных углах были найдены искалеченные

помешанные женщины, в то время как их “охранители” были застигнуты за азартной игрой на бумажные деньги, обгаренные кровью. Монахи испражнялись на группы беспомощных женщин, из которых многие были мертвы, некоторые уже долгое время, и тела их разлагались»<sup>19</sup>.

Итак, Япония предстала перед советским руководством как общество с дикими, патриархальными традициями. Если судить по заметкам Сталина, у вождя сложилось негативное отношение к культуре и быту японцев, полное непонимание их обычаев и нравов. Однако все, что способно вызвать у конкретного человека ненависть и неприятие, нередко оказывается проекцией собственных представлений и чувств. Для Сталина было характерно находить и отмечать у других только отрицательные стороны.

Механическое расчленение Сталиным мира на враждебные части во многом предопределило непонимание японского образа жизни. Он все оценивал через призму образа врага. Негативное отношение к определенным традициям, нравам можно связать и с отсутствием непосредственного контакта с представителями Страны Восходящего Солнца, достаточно небогатой историей взаимоотношений двух стран.

Стержнем политической психологии лидера является его собственный политический «образ» мира, связанный со стремлением утвердить этот образ в реальности. Центральное место в структуре этого образа занимает образ самого себя, представления о личном пространстве и времени, индивидуальные нормы и ценности, а также представления о других людях, объектах и явлениях. Как показывают архивные данные, Сталин признавал лишь собственное мнение и личный опыт.

По мере наращивания советских военных сил, с увеличением разногласий по многим вопросам между странами, среди руководства усиливается негативное представление о Японии. Это не осталось незамеченным в Японии. Данную тенденцию в своем выступлении отметил начальник русского отдела генштаба японских вооруженных сил Фудзука: «Затем СССР постепенно начал перевозить военные силы на Дальний Восток, и когда они в значительной части уже оказались на Дальнем Востоке и, видимо, беспокойство за Дальний Восток исчезло, органы печати стали проявлять больше энергии. 3 марта правительственный орган «Известия» резко напал на Японию и заявил, что нужно подготовиться против агрессивности Японии. Общественное мнение в СССР становилось более твердым»<sup>20</sup>.

Переписка Сталина с Кагановичем в течение 1933 г. показывает изменение позиции советского руководства в отношении Японии. Так, вождь все чаще указывал на необходимость освещения в печати тех событий, которые происходят на восточных границах, ответственность за них возлагать не на Манчжурию, а на японское правительство.

<sup>18</sup> Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 184.

<sup>19</sup> РГАСПИ. Ф. 558, оп. 3, д. 98, л. 60.

<sup>20</sup> Там же, д. 447, л. 61.

Несмотря на улучшение ситуации в стране, лидер СССР еще осторожно относился к Японии: по его распоряжению некоторые аспекты взаимоотношений между странами не освещались в прессе. Советское руководство все больше акцентировало внимание мирового сообщества на том, что СССР вел мирную политику, но в случае нападения со стороны восточного соседа Страна Советов готова дать отпор.

Изменение отношения к Японии связано также с тем, что СССР начал укреплять свое международное положение. В частности, Советский Союз искал поддержку у США, о чем свидетельствуют переговоры Литвинова с Рузвельтом<sup>21</sup>. К середине 30-х годов СССР установил дипломатические отношения с большинством стран, 18 сентября 1934 г. он был принят в Лигу Наций.

Одной из причин изменения представлений о дальневосточном соседе стали секретные донесения ИНО ОГПУ<sup>22</sup>, полученные из Парижа, согласно которым японский генеральный штаб был сильно озабочен стремительным увеличением сил СССР на Дальнем Востоке: «Подсчет, сделанный японским штабом, ясно показал, что советское правительство на Дальнем Востоке обладает настолько внушительной силой воздушного флота, против которого японское командование не может противопоставить не только наступательной, но даже оборонительной силы»<sup>23</sup>. Следовательно, исходя из поступившей информации, рушилось представление о превосходстве, непобедимости японской армии.

Данное сообщение также свидетельствует о том, что силы и средства, направленные на укрепление дальневосточных границ, дали свои первые результаты, и это придавало уверенность руководству, подняло авторитет Сталина как автора курса модернизации страны. Важность документа подтверждается замечками вождя, сделанными на полях для Ворошилова: «Информация является интересной и полезной»<sup>24</sup>.

Однако сигналом к долгосрочной идеологической компании по созданию отрицательного образа Японии, формированию «образа врага» как в руководстве страны, так и в советском общественном сознании, стало письмо Сталина к Молотову и Кагановичу в октябре 1933 г. «Помоему, пора начать широкую, осмысленную (не крикливую!) подготовку и обработку общественного мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии. Надо развернуть это дело в “Правде”, отчасти в “Известиях”. Надо использовать также ГИЗ и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг. Надо знакомить людей не только с отрицательными, но и

положительными сторонами быта, жизни и условий в Японии. Понятно, что выпукло надо выставить отрицательные, империалистические, захватнические милитаристские стороны»<sup>25</sup>.

Следует обратить внимание на то, что Сталин дал указание показывать в негативном свете только политические и экономические стороны жизни Японии, а не социальные и культурные. Таким образом, «отец народов» хотел посеять ненависть к правительству Японии, а не к японскому народу. Он стремился сделать акцент на том, что население не отвечает за агрессивную политику государства. Тем самым Сталин пытался вызвать к себе доверие, любовь у простого советского человека, который испытывал на тот момент последствия страшного голода, а также хотел показать себя защитником народных масс.

Образ Японии как врага был необходим советскому руководству для того, чтобы отвлечь внимание людей от тяжелых внутренних социально-экономических проблем, для мобилизации человеческих ресурсов. Руководство под предлогом поиска японских вредителей пыталось замаскировать внутренние чистки, скрыть свою роль в терроре. Так, массовая паспортизация населения Сахалина, выселение из дальневосточного региона политически неблагонадежных людей сопровождалось раздуванием шпиономании. Ответственность за проведение данных мероприятий возлагалось на ОГПУ. В результате, образ Японии стал одним из механизмов реализации построения «социалистического общества».

После официального «разрешения» вождя представители политической элиты стали позволять себе более резкие заявления и комментарии в отношении Японии. Японцы характеризовались ими как милитаристы, мерзавцы, наглецы. Однако, учитывая обстановку на восточных границах, ситуацию в Европе, а также донесения иностранного отдела ОГПУ о планах Японии, о росте ее вооружений, советское руководство продолжало вести политику, направленную на подписание пакта о ненападении между СССР и Японией.

В 1933–1934 гг. продолжались переговоры о продаже КВЖД, которые проходили в тяжелой обстановке. Японцы, чувствуя себя хозяевами положения, постоянно требовали снизить цену и выдвигали все новые требования. Однако у Сталина были свои средства давления: «На кампанию японцев ответить контркампанией в печати в духе того, что японцы не хотят покупать КВЖД, а хотят получить ее даром, либо захватить силой и объявить войну СССР, что японцы ведут агрессивную линию и ищут повод для войны»<sup>26</sup>. Таким образом, Сталин продолжал выбранную им тактику: противопоставлять агрессивной политике Японии миролюбивый курс СССР. В целом, советский лидер не стре-

<sup>21</sup> Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 403.

<sup>22</sup> ИНО ОГПУ – Иностраный отдел Объединенного государственного политического управления.

<sup>23</sup> РГАСПИ. Ф. 558, оп. 3, д. 186, л. 12.

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 396.

<sup>26</sup> Там же, с. 426.

мился осложнять ситуацию с КВЖД, поэтому руководство не выдвигало дополнительных требований, придерживаясь линии ухода от конфронтации.

На выбор направления в решении данного вопроса влияли сведения НКВД, согласно которым Япония собиралась напасть на Советский Союз в 1934 г., так как «ни одна из великих держав в настоящее время не может помешать Японии; б) что Японии нужно воевать до предстоящей морской конференции, т. к. после конференции ее руки в войне с СССР могут быть связаны сговором великих держав. 3) Япония уверена, что, начав войну с СССР, она не останется одинокой, т. к. на СССР нападут, воспользовавшись этим случаем, Польша и Германия, даже если и не наступит франко-германско-польского соглашения. 4) СССР никто не поможет, а Японии помогут материально. 5) Америка обессилена кризисом на несколько лет и останется нейтральной»<sup>27</sup>. «Япония в течение ближайших 1–2-х месяцев начнет войну с СССР. Наступление японцев должно начаться бомбардировкой Владивостока»<sup>28</sup>.

В 1934 г. на необходимость усиления обороны Дальнего Востока в связи с ростом столкновений на границах указывал Каганович, который в письмах к соратникам старался дать максимально обстоятельный анализ ситуации на Дальнем Востоке, тем самым, формируя их представление о Японии.

Анализ переписки членов Политбюро показывает, что информация о событиях на границе, на КВЖД советскому руководству поступала не только от ОГПУ–НКВД, но и от Телеграфного Агентства Советского Союза. Так, к письму Кагановича и Молотова Сталину прилагалось сообщение ТАСС, согласно которому «22-го августа японской жандармерией в Харбине была арестована конторщица материальной службы КВЖД тов. Головина и заключена в помещении жандармерии на Почтовой улице. Через некоторое время она была вызвана для допроса в другое помещение, где к ней при допросе были применены следующие бесчеловечные пытки: между пальцами рук ей были положены металлические бруски, причем пальцы связывались веревкой, которую сильно затягивали, так что Головина теряла сознание. Далее на допросах тов. Головиной избивали кулаками лицо и голову, вырывали волосы и лили воду в рот и нос. Все эти пытки производились японскими служащими»<sup>29</sup>. Таким образом, японцы пытались «надавить» на советское правительство по вопросу о продаже КВЖД. Они показывали свою силу, демонстрировали свои способы борьбы с противником.

Факты, приводимые ТАСС, усиливали негативные представления о Японии, показывали их варварские методы, пытки, их жестокость.

<sup>27</sup> РГАСПИ. Ф.558, оп. 3, д. 187, л.36–37.

<sup>28</sup> Там же, л.24.

<sup>29</sup> Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 470

Составляемые сводки в основном содержали сообщения о политических и экономических событиях. Как показывают источники, ТАСС являлся самым доступным информационным каналом о внешнем мире для политической элиты, но эта информация была ограниченной, не носила аналитического характера и, таким образом, не давала полного представления о жизни зарубежных стран.

Однако следует отметить, что сведения ТАСС, сообщения и сводки ОГПУ–НКВД играли значительную роль в формировании представлений о внешнем мире, влияли на выработку внешнеполитического курса.

Так, донесения ОГПУ в 1934 г. о степени готовности японской армии настораживали руководство СССР, так как оно понимало, что в советских вооруженных силах существовало еще много проблем. Японцы основательно готовились к наступательной операции. Учитывая рост вооруженных сил на Дальнем Востоке, они внимательно следили за всеми новинками военной техники, которые приобретал Советский Союз за границей<sup>30</sup>, проводили анализ состояния Красной Армии, в том числе морального духа солдат и высшего командного состава. К середине 30-х годов японское командование имело информацию обо всех плюсах и минусах Красной армии, и, конечно, оно учитывало это при выработке стратегии нападения.

Однако и с японской армией не все было благополучно. Связано это было с нестабильной ситуацией в стране, стремлением военных кругов быстрее напасть на Советский Союз, с чем не соглашались политические и промышленные круги. С одной стороны, японцы хотели воевать с СССР и показать миру свою мощь в борьбе с сильным соперником, чтобы тем самым поднять свой международный авторитет. С другой стороны, они боялись, что не смогут развить успешных действий на первом этапе, и это в свою очередь подорвет боевой дух армии<sup>31</sup>. Тогда перед мировым сообществом Япония предстанет в образе государства, неспособного вести полномасштабную войну, без четкого курса действий и стратегии. Однако больше всего они боялись, что их опять будут ассоциировать в большей степени с Востоком, чем с Западом, и назовут плохими «учениками». Поэтому японцы продолжали укреплять моральный дух армии, оснащали ее более совершенным вооружением.

В 1934 г. о неготовности японского правительства начать войну против СССР заявлял в своем секретном докладе на заседании Бюро Правления Всесоюзного общества культурных связей с заграницей председатель ВОКС Шпиндлер.

ВОКС было создано в 1925 г. с целью «развития научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и

<sup>30</sup> РГАСПИ. Ф.558, оп. 3, д. 187, л.37.

<sup>31</sup> РГАСПИ. Ф.78, оп. 6, д. 67, л. 158.

отдельными научными и культурными работниками Союза ССР и за-границей»<sup>32</sup>. Общество имело значительное представительство в Японии, активно развивало отношения с местными общественными организациями, распространяло информацию о советском обществе, налаживало контакты различного характера. Сотрудники также составляли для советского руководства ежедневные обзоры иностранной прессы. Таким образом, ВОКС являлось одним из важных информационных каналов формирования представлений о внешнем мире.

Шпиндлер, используя последние донесения от представителей ВОКС в Японии, в своем докладе дал характеристику основным тенденциям во внутренней политике Страны Восходящего Солнца и, исходя из этого, выделил основные направления деятельности ВОКС в развитии советско-японских отношений. Во-первых, он подчеркнул, что «политика японского империализма, основанная на подготовке к “большой войне” и имеющая резко выраженный антисоветский характер, получает некоторую маскировку. Ответственные представители японского правительства делают “миролюбивые” официальные заявления; тон всей японской прессы в отношении Советского Союза становится гораздо более сдержанным. Во-вторых, активизируется левое крыло японской интеллигенции: оно настойчиво сопротивляется курсу на милитаризацию страны и готово идти на борьбу с военной опасностью. В-третьих, даже в сугубо-реакционных кругах японских господствующих классов ставят под сомнение непогрешимость военно-фашистской идеологии, возглавляемой военными лидерами, и говорят о возможности возрождения конституционных иллюзий в стране»<sup>33</sup>. Согласно выводам Шпиндлера, военным необходимо было время для разработки более детального плана нападения на СССР, а внутренняя ситуация в Японии была нестабильна.

Изучение текста выступления также показывает, насколько было политизировано советское общество, в частности, руководство страны. Шпиндлер давал характеристику с классовых, идеологических позиций, делая акцент на непопулярности лозунга «большой войны» среди масс. Он обратил внимание на то, что данную ситуацию можно было бы использовать для распространения идей социализма, подключив к этому японскую интеллигенцию: «Возможность мобилизации японской интеллигенции против войны – за мир объективно существует, и открываются даже некоторые “легальные” пути, которые должны быть максимально использованы»<sup>34</sup>.

<sup>32</sup> ГАРФ. Ф.5283, оп.1, д.1, л.1.

<sup>33</sup> Там же, оп. 4, д. 140, д. 34.

<sup>34</sup> Там же.

Таким образом, ВОКС дополняло секретные донесения ОГПУ–НКВД, давая анализ обстановки со своей точки зрения, иногда не совпадавшей с выводами Лубянки.

Следует обратить внимание, что особенность и отличие ВОКС как информационного канала заключались в том, что оно, кроме политических и экономических сведений, предоставляло информацию о культурных и научных достижениях японского общества, о его быте, традициях, т. е., освещало многие аспекты жизни Страны Восходящего Солнца. Однако данная информация была для советского руководства дополнительной, а не определяющей при принятии политических решений. В основном она носила познавательный характер, расширяла представления политической элиты о социокультурном развитии японского общества.

События в Манчжурии подтверждали выводы Шпиндлера об отсутствии четкого плана военных действий у японцев. Главная их ошибка заключалась в недооценке мощи народного сопротивления Китая. «Они думали пройти таким церемониальным маршем без всяких потерь, народ их будет благословлять, что пришли спасители наводить порядок, а встретились с сопротивлением»<sup>35</sup>, – отмечал Калинин. Все это ставило под сомнение способность японских военных проводить комплексный анализ событий.

На скорейшее столкновение с Советским Союзом Страну Восходящего Солнца подталкивала Англия. Тем самым она стремилась ослабить двух своих потенциальных соперников. «Англия заинтересована не только в том, чтобы разбить коммунизм, но и в том, чтобы этот коммунизм основательно пощипал Японию»<sup>36</sup>, – говорилось в донесениях. Английское правительство все рассчитало: еще слабая в военном плане Япония не сможет быстро захватить СССР, обе страны увязнут в военном конфликте и не будут мешать Великобритании проводить свой внешнеполитический курс. Советские лидеры видели «руку Лондона» во всех европейских кризисах. Председатель ВЦСПС Н. М. Шверник, выступая на пленуме Исполнительного комитета международного движения за мир в марте 1938 г. заявил: «При прямом попустительстве ряда правительств демократических государств, являющихся членами Лиги Наций и даже при непосредственной поддержке британского правительства, на глазах всего цивилизованного человечества германские, итальянские и японские захватчики совершают злодейские дела»<sup>37</sup>.

Следовательно, советское руководство главным военным соперником в первой половине 30-х годов считало не Японию, не Германию, а

<sup>35</sup> РГАСПИ. Ф.558, оп. 6, д. 67, л.159

<sup>36</sup> РГАСПИ. Ф.78, оп. 6, д. 67, л.163.

<sup>37</sup> Цит. по: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в. М., 1998, с.254.



именно Англию. Как показывают архивные материалы, данные выводы основывались не только на донесениях ОГПУ–НКВД, но и на сведениях, полученных при личных встречах руководства с представителями иностранных отделов, дипломатами. Таким образом, можно выделить еще один информационный канал. В качестве яркого примера получения и анализа информации, а так же процесса выработки советским руководством политики в отношении Японии, можно привести стенограмму беседы М. И. Калинина с представителями ИНО ОГПУ в мае 1934 г.

Согласно документу, на встрече обсуждались вопросы, охватывающие различные аспекты жизни японского общества. Анализ стенограммы беседы М. И. Калинина с группой представителей ИНО ОГПУ показывает, что к середине 30-х годов у верхушки политической элиты сложились определенные представления не только о правительстве и армии, но и об обществе и культуре Японии. Представители высшего советского руководства были осведомлены об образе жизни, питании, семейных традициях японцев. В стенограмме на основе анализа вопросов и ответов участников встречи прослеживается специфика формирования психологии новой политической элиты, отражаются ее приоритеты.

Калинин, в первую очередь, проявил интерес к положению в Японии рабочих, что свидетельствует о влиянии и роли марксистских идей в сознании политической элиты. Полученные сведения были полезны для пропаганды социальных преимуществ советского режима как в Японии, так и в СССР. «В текстильной промышленности работают, главным образом, женщины и работают они на других условиях: их туда почти продают, жалование получают не они, а их родители. Работницы живут при фабрике, и питание получают там. Стоимость такого питания составляет 15 сен в день. Как живут японцы. Дома некаменные. Комната, в которой живут, представляет собой большую кровать, потому что спят на полу. Пол мягкий – покрыт сплетенными из травы матами. На маты измеряется площадь комнаты. На эти маты расстилаются тюфяки. При входе в комнату обязательно снимают обувь остаются в чулках. Такие же условия на заводе», – рассказывал собеседник Калинина<sup>38</sup>.

Представители ОГПУ, учитывая вечную проблему России, подчеркнули, что в Японии великолепные дороги, распространены велосипеды. Это является, по их мнению, важным показателем развития инфраструктуры страны.

Особый интерес у Калинина вызывала информация об отношении японцев к власти. Один из сотрудников отметил, что оппозиционные настроения имеют место не во всех слоях, в основном у передовой части студенчества и рабочих, а крестьяне к императору относятся с боль-

большим почтением<sup>39</sup>. Это, как полагали собеседники всероссийского старосты, характеризует японцев как приверженцев традиционализма, и свидетельствует о том, что, несмотря на капиталистический путь развития, сознание японцев оставалось патриархальным. С одной стороны, Япония развивалась по капиталистическому пути, тяготела к западным ценностям. Однако, с другой стороны, она оставалась верна традициям, сохраняла восточные черты в мировосприятии.

Также сотрудники ИНО обратили внимание Калинина на культурность японцев: «Если взять нашего старого крестьянина и японского, то надо сказать, что японский гораздо культурнее и рабочий культурнее. Все читают. В свободное от работы время рабочий читает какую-нибудь газету или журнал. У них, между прочим, очень дешевая литература. Массовая литература используется для такой шовинистической пропаганды. У них много детской, женской литературы. Литературы много и она дешевая»<sup>40</sup>. Эти сведения значительно расширили представления советской элиты о развитии японского общества. Японцы уже не представлялись необразованными, дикими «мартышками». Данная информация свидетельствует об активной политике японского правительства в области контроля над сознанием масс. Это были важные сведения для советского руководства о каналах воздействия власти на массы; данные методы, как полагали советские вожди, можно было применить и в советской пропаганде.

Образ японцев у партийной верхушки не был однозначным, односторонним и только негативным, как его представляла официальная пропаганда. Так, Калинин оценивал японцев как физически очень выносливых людей; при этом он отмечал, что это «культурное население, так как много читает»<sup>41</sup>. В беседе всероссийский староста особо подчеркнул, что Япония своеобразная страна: «Возьмите такой характерный пример: описание частной жизни руководителей и вождей, пишут – такой то человек был бы хорош, но он сильно пьет, и это публикуется. Это тоже своеобразие. Очевидно, это бытовая сторона. Или народ настолько вырос, и правительство с этим мирится, или это – просто буржуазная сенсация»<sup>42</sup>.

Подобные заявления дают основания полагать, что советской элите было трудно до конца понять японскую культуру. С точки зрения обычного сознания, особенности поведения людей, их отношение к окружающему миру вызывало у них антипатию. Культурные различия еще более усугубляли непонимание между странами, тем самым, усиливая отрицательный образ Страны Восходящего Солнца. В качестве

<sup>39</sup> Там же, л. 151–153.

<sup>40</sup> Там же, л.152.

<sup>41</sup> Там же, л.157.

<sup>42</sup> Там же, л.152.

<sup>38</sup> РГАСПИ. Ф.78, оп. 6, д. 67, л.148.

примера можно привести следующие размышления всероссийского старосты: «Японский крестьянин отрицательно относится к помещикам, но не к власти, в России же – отрицательное отношение было и к царизму, и к двору»<sup>43</sup>. Однако, если сравнивать два народа, то для них характерно почтительное отношение к центральной власти.

Другой важной темой, которой интересовался Калинин, был вопрос о моральном облике и дисциплине в японской армии, так как эта проблема была актуальной для советской политической верхушки (донесения свидетельствовали о распространении пьянства и участившихся случаях самоубийства в рядах РККА). Также эти сведения были важны для определения сильных и слабых сторон Японии, психологической устойчивости японского общества, оценки военного потенциала, т. е. они позволяли определить геостратегические возможности дальневосточного соседа.

«В моральном отношении она сильнее всех буржуазных армий, конечно. Во-первых, большое значение имеет единый национальный состав, потом то, что демократичность там большая, чем во всех других армиях»<sup>44</sup>, – отметил в личной беседе с Калининным представитель ИНО ОГПУ. При этом он обозначил, что «есть две Японии: днем японец сидит при твердом воротничке, проглотив его как шпагу, и в сюртуке, а в 5 час. он смывается домой, и после 5 час. он – 100%-ный японец, никакой западной культуры нет, а (есть) старый патриархальный национальный быт со всем японским привкусом. Отсюда такие непонятные вещи»<sup>45</sup>. Происходило противостояние между прогрессом и традициями, создавалась система двойной жизни, мышления, что было характерно и для советского общества. Отмечая те или иные факты из жизни японцев, советские руководители выделяли как отличия, так и общее между двумя странами. Они оценивали события, исходя из традиций и особенностей развития России. В целом, все эти данные расширяли, углубляли знания и представления руководителей СССР о Японии.

В 30-е годы в Японии сложилась государственная система *кокутай*<sup>46</sup>. Для нее было характерно полное растворение личности и подчинение ее интересам государства. Жили все, как одна семья; в роли отца был император. Японскому правительству отлично удалось применить лозунг «одна нация – одно сердце» для создания крепкой, дисциплинированной армии. Это был важный момент и отличный повод для размышления руководству СССР, так как советскому сознанию также был присущ дух коллективизма и патерналистские отношения.

<sup>43</sup> Там же, л.157.

<sup>44</sup> РГАСПИ. Ф.78, оп. 6, д. 67, л. 157.

<sup>45</sup> Там же.

<sup>46</sup> Чуров С. В. Социокультурное пространство и внешняя политика современной Японии. М., 2007, с. 107.

Большой интерес представляет высказывание Калинина о японском правительстве: «Ну, затем я думаю, у них самотек есть. У них нет такого плотно организованного правительства, которое наметило себе линию и эту линию проводит в жизнь с математической точностью»<sup>47</sup>. Всероссийский староста дал характеристику японскому правительству, сравнивая его с советским, и основываясь на своих представлениях об «идеальном» управлении. Таким образом, в его представлении советское руководство – хорошо организованное, с четкой политической линией, точно следует намеченному курсу, т. е. через образ Японии, через сравнение себя с японской политической элитой осуществилась самоидентификация советского руководства.

Одной из главных проблем, которая обсуждалась на встрече, была готовность Японии воевать с Советским Союзом. По мнению представителей иностранного отдела, «японцы усиленно готовятся к войне. И затем хотят возможно быстрее начать войну, начать ее первыми. Японцы думают, что мы можем начать войну. Они пишут повсюду о красном империализме. Когда мы показали себя на КВЖД, они увидели, что мы представляем действительно силу, они убедились, что голыми руками нас не возьмешь. Ну, а затем они учитывают международную обстановку. Японцы не могут начать войну с нами до тех пор, пока у них не будет большей уверенности, чем есть сейчас, в успешности войны с самого начала. Они слишком боятся изменения психологии солдат. Солдаты пойдут в бой, но что будет с солдатами через 2–3 мес., если бои не будут наступательными»<sup>48</sup>.

Таким образом, данные заявления еще раз подтвердили информацию о готовности Японии воевать с СССР, несмотря на внутренние проблемы. Конфликт с Советским Союзом для Страны Восходящего Солнца был средством показать западным странам свою мощь, силу и претензии на мировое лидерство. В то же время советское руководство также считало, что война с Японией поднимет его авторитет на международной арене. Об этом говорят заявления, сделанные членами правительства: «Надо, чтобы было распространено мнение, что Япония сильна. Если мы нанесем Японии сокрушительный удар в первые 3 мес., можно быть спокойными за границу на Западе. Нам было бы очень выгодно подражаться с Японией и основательно побить ее. Если бы мы побили Японию, то ни одна сволочь на Западе после этого не сунулась бы к нам. А война с Японией не несет такой непосредственной опасности»<sup>49</sup>.

Данный пример еще раз доказывает, что советские лидеры не видели в Японии главного соперника. Образ Японии как врага, как сильного

<sup>47</sup> РГАСПИ. Ф.78, оп. 6, д. 67, л. 157.

<sup>48</sup> Там же, л.159.

<sup>49</sup> Там же, л.164.

государства использовался руководством для сохранения и укрепления своей власти, мобилизации человеческих ресурсов для решения поставленных задач, подавления внутренней оппозиции, что позволяло ему сфокусировать внимание населения не на внутренних проблемах, а на проблеме внешней опасности. Кроме того, образ сильного государства был необходим СССР для проведения политики коллективной безопасности, реализации своих геополитических интересов как на Западе, так и на Востоке.

В заключение разговора Михаил Иванович потребовал от представителей ИНО в кратчайшие сроки предоставить информацию, которая бы позволила составить полное представление о Японии, что в свою очередь помогло бы выработать окончательный курс в советско-японских отношениях, по следующим направлениям:

- 1) сила сопротивления маньчжурских партизан;
- 2) размеры потерь в Манчжурии;
- 3) анализ внутреннего развития Японии, и что толкает ее на эти бесконечные авантюры;
- 4) какое политическое влияние имеет легкая промышленность среди правящих кругов;
- 5) точные данные производства военной промышленности;
- 6) стоимость Манчжурии (плюсы и минусы). По мнению Калинина, японцы потеряли там 10–15 тыс. солдат<sup>50</sup>.

Таким образом, через процесс получения секретных сведений и их анализа от представителей ИНО ОГПУ шло формирование политической линии в отношении Японии.

К сожалению, из-за отсутствия доступных историкам других документов невозможно точно определить, насколько частыми были такие встречи, но, без сомнения, они были информативными и во многом расширяли и дополняли представления политической элиты.

Знакомясь с культурой Японии, руководство страны сравнивало два общества, два народа, при этом выявляя особенности развития культур, выделяя их положительные и отрицательные стороны.

Сталин, сопоставляя японское и советское руководство, считал, что японцы не способны мыслить здраво, что они большие авантюристы, так как затеяли такую игру. Всеми своими размышлениями он делился с соратниками, которые, в свою очередь, передавали их другим членам руководства. Таким образом, формировался образ Японии у политической элиты, в том числе, и на средних, и на нижних этажах номенклатурной пирамиды.

В 1935 г. напряженность между странами нарастала. В своих письмах к соратникам Сталин все чаще в отношении японцев употреблял

слово «мерзавцы», что свидетельствовало о растущем негативном отношении к дальневосточному соседу.

23 марта 1935 г. после долгих переговоров в Токио было подписано соглашение об уступке Советским Союзом Маньчжоу-Го КВЖД за 140 млн. иен, хотя первоначальная цена, запрошенная советской стороной, была 625 млн. иен.

Несмотря на сообщения о сложной ситуации внутри Японии, СССР продолжал вести сдержанную политику в отношении морского соседа. Пограничникам приказано было соблюдать выдержку и осторожность при инцидентах, не ввязываться в военные столкновения, так как они могли повлечь за собой военные действия, к которым СССР пока еще не был готов. Советское руководство не раз акцентировало внимание японского руководства на событиях на КВЖД, которые мешали развитию дружеских отношений. В то же время, советское руководство стремилось показать общественности истинное лицо японского правительства: «Японского шпиона, давшего показания об организации японцами диверсии на нашей территории, предать суду вместе с остатками корейской банды с тем, чтобы на гласном процессе осветить деятельность японских военных по организации диверсий на нашей территории. Сообщение о процессе опубликовать в нашей прессе»<sup>51</sup>.

Исследование событий показывает, что в политике советских властей в отношении Японии во второй половине 30-х годов преобладали, скорее, осторожность и сдержанность, чем «жесткость». Сложное геополитическое положение Советского Союза, рост политической напряженности в Европе, непростая внутренняя ситуация в стране не позволяли советской дипломатии проявлять достаточную жесткость в дальневосточной политике.

Во второй половине 30-х годов советское руководство имело четкое представление о политической ситуации в Японии. Определяющую роль в японском правительстве играли военные круги, которые, как показывают документы, потеряли чувство реальности и меры. Исходя именно из этого, советское правительство и пыталось строить отношения между странами.

Укрепляя свои позиции в дальневосточном регионе, СССР в марте 1936 г. заключил договор о взаимопомощи с Монгольской Народной Республикой. Это было предупреждением для японских милитаристов. Однако, продолжая дальнейшую экспансию на Дальнем Востоке, Япония 7 июля 1937 г. напала на Китай, оккупировала его северные районы, захватила Шанхай, Пекин.

К середине 1937 г. советское правительство резко изменило отношение к подписанию пакта о ненападении. Связано это было с многочисленными отказами японской стороны на предложения СССР, с подписанием «Антикоминтерновского пакта», а также значительным

<sup>50</sup> Там же.

<sup>51</sup> ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. М., 2001, с. 170.

подписанием «Антикоминтерновского пакта», а также значительным наращиванием советской военной мощи на Дальнем Востоке. Согласно протоколам ПБ, СССР готов был дать отпор при малейших провокациях со стороны Японии: «В случае японских провокационных действий в советских водах конфликт *не будет* носить локального характера»<sup>52</sup>. Однако, занимая по некоторым вопросам жесткую позицию, Советский Союз, тем не менее, не был заинтересован в дальнейшем ухудшении двусторонних отношений.

Одновременно советское руководство, понимая опасность войны на два фронта, искало контакты, пути выхода из сложившейся ситуации. В результате 23 августа 1939 г. был подписан Советско-германский договор о ненападении, оттянувший на время военное столкновение на западных границах. Однако переговоры по подписанию пакта о ненападении с Японией продолжались.

Под влиянием внешнеполитических событий (заключением Антикоминтерновского пакта, началом китайско-японской войны, советско-японских военных столкновений на оз. Хасан и р. Халхин-Гол) в сознании советской политической элиты окончательно закрепился образ Японии как милитариста, агрессора, врага государства, заявившего о себе и претендующего на лидерство в Тихом океане.

Военные конфликты на оз. Хасан и р. Халхин-Гол были пробой сил для двух стран, в результате которых обоими государствами были сделаны выводы о преимуществах и слабых сторонах соперника.

Разгром японцев у р. Халхин-Гол поднял престиж Советского Союза, дал советским дипломатам хорошие козыри в переговорах с японцами. Возможно, пакт был бы подписан, но начавшаяся 1 сентября 1939 г. вторая мировая война не дала этому реализоваться, а только еще более отстранила страны друг от друга.

Подводя итоги сказанному, можно отметить, что образ Японии в сознании советской элиты был частью ее картины мира и характеризовался сложным комплексом представлений, мифов, стереотипов, ситуативных умонастроений. В 30-е годы советское руководство имело приблизительные представления о Японии, так как информацию большинство из них получали из «вторых рук» и только то, что им необходимо было знать. Следовательно, политическая элита не имела целостного представления о Стране Восходящего Солнца. А при отсутствии достоверной информации о внешнем мире представления искажаются и обрастают различными домыслами и стереотипами, что накладывает определенный отпечаток на принятие политических решений.

Анализ архивных фондов показывает, что основными и важными каналами формирования образа Японии у советской политической элиты были донесения, сводки ОГПУ–НКВД, личные встречи с предста-

вителями этой организации, обзоры, подготовленные ВОКС, информация ТАСС.

Донесения ОГПУ–НКВД играли определяющую роль в функционировании властного механизма и информационного обеспечения сталинского режима. Значимость данного информационного канала подчеркнул в своем выступлении на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г. нарком иностранных дел М. М. Литвинов. Однако, являясь важным источником информации для советского руководства, эти донесения освещали, главным образом, политические, экономические и военные вопросы, игнорируя сведения о психологии, традициях японцев, о специфике восприятия ими внешнего мира, что делало сообщения односторонними и не давало полного представления о дальневосточном соседе. В то же время данный информационный канал перед собой таких задач не ставил.

На протяжении изучаемого периода представления высшего советского руководства о Японии не были статичными, они изменялись под влиянием внутренних и внешних факторов. Условно можно выделить три этапа эволюции образа Страны восходящего солнца в сознании политической элиты.

На первом этапе (1931–1933) Япония воспринималась в образе сильного геополитического и военного соперника, угрожающего интересам СССР на Дальнем Востоке.

Представления и знания о Стране восходящего солнца были ограниченными, они основывались на событиях русско-японской войны и интервенции Японии на Дальнем Востоке. Данный этап характеризуется накоплением информации о стране, так как восприятие японцев как «макак» не совпадало с реальными событиями в Китае. Можно сказать, что в тот период советское руководство находилось в растерянном состоянии. Исходя из поступавшей информации об активной политике Японии, учитывая тяжелую, нестабильную ситуацию внутри Страны Советов, Сталин занял нейтральную позицию в отношении дальневосточного соседа, однако во внутренних делах был взят курс на укрепление дальневосточных границ и развитие данного региона.

На втором этапе (1933–1936) представления руководства страны о Японии значительно расширяются. Советская элита проявляет интерес к изучению не только политических и экономических сторон жизни Страны Восходящего Солнца, но и ее социальных и культурных аспектов. В данный период не сложился однозначный образ дальневосточного соседа. С одной стороны, первые экономические достижения СССР, повышение его статуса на международной арене, укрепление личной власти Сталина, политическая нестабильность в Японии создали условия для восприятия Страны Восходящего Солнца как государства с агрессивной политикой, но не готового к полномасштабной войне.

<sup>52</sup> Там же, с. 208.

Это позволило советскому руководству чувствовать себя более уверенным в принятии решений по отношению к Японии.

Однако, с другой стороны, информация о росте вооружения японской армии, о степени ее готовности, а также все более напряженная ситуация в Европе поставили СССР перед угрозой войны на два фронта. Поэтому советское руководство продолжало проводить курс на подписание пакта о ненападении с Японией.

На третьем этапе (1937–1939) в сознании элиты закрепляется негативное отношение к Японии; она предстает в образе милитариста, агрессора, военного соперника, который усилился в результате военных конфликтов на оз. Хасан и р. Халхин-Гол. Данный этап можно охарактеризовать словами секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова: «Что касается вопроса о Японии, то я думаю, что в этом отношении вопрос настолько ясен, что здесь вряд ли есть нужда в том, чтобы этим делом заниматься»<sup>53</sup>.

На целостное восприятие Японии влияли и противоречия марксистского, европоцентристского, русского и исторического сознания элиты. Формированию негативного представления о Японии способствовало и то, что основой взаимодействия двух стран были политические и экономические отношения; кроме того, между государствами существовал исторический груз конфликтов, претензий и обид.

На сознание советской элиты продолжали влиять и устойчивые стереотипы о Японии, которые сложились в предыдущие периоды. Это, прежде всего, миф о «желтой опасности», об «островном хищнике», о стране «самураев» и «гейш». Негативные черты образа страны складываются в общественном сознании быстрее, чем позитивные, и приобретают более устойчивую форму.

Однако здесь необходимо отметить, что представления о Японии не ограничивались только данными образами. Они были намного шире и не столь негативными. Политическая элита имела представление об особенностях Японии, о значительном ее вкладе в развитие мировой культуры. Однако напряженная международная ситуация, нестабильное положение СССР, доминирующая роль Сталина в принятии политических решений и в формировании сознания не только масс, но и элиты, не позволили влиять на укрепление и развитие советско-японских отношений. Таким образом, сама конкретно-историческая ситуация, историческая память не способствовали созданию позитивного образа Японии в сознании политического руководства 30-х годов.

На всех выделенных нами этапах формирование образа Японии происходило под влиянием Сталина. Можно с точностью сказать, что именно его представления, мировоззрение определяли советско-японские отношения. Образ Японии, который закрепился в памяти

различных слоев населения СССР, формировался у вождя на фоне собственного мнения о нормах и ценностях, через манихейское («мы – они») деление мира на черное и белое.

На основании всего изложенного выше можно сделать вывод, что образ Японии для политического руководства СССР был средством отвлечения советского общества от острых внутренних проблем, механизмом мобилизации населения для решения поставленных партией задач. Кроме того, обстоятельства сложились таким образом, что Страна восходящего солнца предоставила СССР удобную возможность продемонстрировать свою растущую военную мощь и силу перед капиталистическими странами.

Другим важным моментом является то, что через образ Японии советская политическая элита сравнивала и сопоставляла себя, определяя свою специфику и особенности, преимущества и недостатки перед лидерами других стран, а также определяла тактику поведения, т. е. происходил процесс идентификации. Образ Страны Восходящего Солнца для СССР являлся одним из средств реализации, понимания, нахождения своего места в мировой политике.

<sup>53</sup> РГАСПИ. Ф. 77, оп. 3, д. 18, л. 3.